ПЯТЬ СОВЕТОВ МОЛОДОМУ ЖУРНАЛИСТУ

урок десятый

КОНСПЕКТЫ К РАЗГОВОРУ О ПРОФЕССИИ

Альберт Плутник

Альберт Плутник окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. С 1966 по 1999 год — в газете «Известия». Литературный секретарь, литературный сотрудник, специальный корреспондент отделов писем, сельского хозяйства, права и морали, заместитель редактора отдела права и морали, редактор отдела «Общество», политический обозреватель. С 1991 года — член редколлегии (избран коллективом). С 1999 по 2002 — обозреватель «Общей газеты». С 2002 года — главный редактор журнала Российского Красного Креста. Лауреат премий Союза журналистов СССР, Союза журналистов Москвы и Союза журналистов России — «Золотое перо России».

1 **Понять себя.** Хорошо бы определить — вам самому-то она нужна, эта профессия, необычайно притягательная, само собой, но при этом такая хлопотная, нервная, на всю жизнь обрекающая на ненормированный рабочий день, под внешней простотой скрывающая свою суровую сущность? А вы-то ей зачем — такой, какой есть, да и каким постараетесь стать при определенных условиях?

Наверное, это самое трудное, но и самое необходимое: понять себя. Найти себя и не терять — новая сложность, многократно умножающая предыдущую.

Но что значит — найти себя? Да и где искать, чтобы не покидала надежда на то, что не зря теряется время на поиски? Искать себя придется только в работе. Больше — негде. А любая серьезная работа — всегда и работа над собой.

Притом, что журналистика — игра командная, где, как в футболе — на лидеров играет команда, которая во многом и делает «звезд», не стоит слишком рассчитывать, что найдется много людей, заинтересованных в том, чтобы вы глубоко познали себя, целиком и полностью реализовали свои способности. Подлинных благожелателей — всегда единицы, да и не факт, что они вообще повстречаются на вашем пути. Довольно прохладное к вам отношение — не худшее из того, с чем вы реально можете столкнуться. Никого не осуждайте за то, что вы ему неинтересны, поначалу по крайней мере. Просто имейте в виду, что рассчитывать придется в основном на себя, на свои силы. Исходите из того, что ваши жизненные и профессиональные принципы не должны постоянно множить число ваших недоброжелателей.

Не считайте себя глупее других. Умнее — тоже, пожалуй, не стоит считать. Это слишком ответственно. Ум придется подтверждать. А подтверждать глупость — ни к чему. Она всегда откровеннее и нагляднее. Ее не скрыть. Она лезет на глаза, хвастаясь тем, что надлежало бы скрыть.

Что остро понадобится для того, чтобы разобраться в себе? Несомненно, не помешает интеллект — знания плюс врожденная и приобретенная наблюдательность. Чтение полезно. Но самый широкий и глубокий интеллект, то, что я бы назвал внутренним содержанием

человека, дается прежде всего размышлением, самообучением, вниманием к окружающему миру и к тому, что этот мир вокруг рождает в вас самих.

Ваше трудолюбие и серьезное отношение к сознательно избранному делу в конце концов сыграет свою роль и привлечет к вам внимание тех, чье содействие поможет сделать крайне необходимые «промежуточные» находки: вы сможете найти свою редакцию (и своего редактора), свою тематику, свой жанр, свой стиль.

Часто приходится слышать о том, как важно всегда оставаться самим собой. Не вздумайте! Не вздумайте, по крайней мере, оставаться неизменным. Не останавливайтесь на достигнутом, тем более, — на недостигнутом. Нет, по-моему, более верного способа наскучить себе самому еще раньше, чем читателю. Вы же не идеал! И никогда не угадаете, что уже им стали.

Идеальных, и помимо нас с вами, нет. Трудно, конечно, да и не хочется, но необходимо постоянно расти, умнеть, больше узнавать и лучше понимать. Всем изменившимся надо и дальше в чем-то меняться. Рост, движение — безостановочный процесс. И даже его замедление — это откат в лучшем случае на один-два шага. Шаг вперед сделать, конечно, гораздо сложнее, чем два-три шага назад. Сложность заключается в том, что, постоянно меняясь, надо стать и продолжать оставаться в чем-то очень важном узнаваемым, сохранять индивидуальную сущность, если, конечно, она благотворна.

Не соглашайтесь, когда говорят, мол, не в словах дело. Дело именно в словах. Журналист не работает с другим материалом. Это — его металл, его стекло, его воск и его мрамор. Все в журналистике состоит из слов, даже ненаписанное, даже то, что читается между строк. И несомненно — все предложения, мысли, формулировки, мнения, обещания, намерения.

Не верьте, когда слышите: это невозможно выразить словами... передать словами... изобразить словами. Да, это очень непросто. Порой невероятно трудно. Далеко не всегда удается. Приходится мучиться. Но мучение — одно из непреложных требований роста. Иначе работа становится привычкой, не становясь второй натурой. Если не изменить такого отношения к ней, то она сама изменит вас. И не ждите, что в лучшую сторону.

Надо искать слова. И знать их значение, чтобы точнее определять, какие больше подходят в каждом случае. Надо знать много слов. Как можно больше. Я бы рекомендовал (себе самому прежде всего, ибо собственным советам внимаешь всего неохотнее) в каждом новом своем сочинении использовать по пять — семь новых слов, не встречавшихся в прежних работах. Произнести, сказать новое слово в своем деле — это мало кому дано. Но написать новое для себя слово в своем очередном материале — к этому надо себя обязать. Новые слова обладают способностью ставить перед сознанием новые задачи.

Саша Васинский, блестящий известинец (из старых, настоящих «Известий»), мой многолетний товарищ, ушедший из жизни в 2003 году, став одним из ведущих, а главное — одним из самых талантливых журналистов своего времени, после трех с лишним десятилетий пребывания в профессии с как будто трудно постижимой горечью говорил о себе:

— Я — не профессионал. И, видно, никогда им не стану. Каждый раз, когда берусь за что-то новое, чувствую себя так, будто никогда в жизни ничего не писал. Волнуюсь, теряюсь, не знаю, с чего начать... Страшно боюсь, что вообще ничего не получится.

Качество, приобрести которое и сохранить, неплохо бы каждому журналисту: владея профессией, не становиться «профессионалом». Не убивать в себе робость, наивность и растерянность новичка.

В кабинете у моего первого (и лучшего) редактора Любови Михайловны Ивановой, она возглавляла в «Известиях» (в тех же старых, настоящих) при Алексее Ивановиче Аджубее и позже отдел вузов и школ, висела выведенная аршинными буквами на ватманском листе японская мудрость, в которой заключался, по ее мнению, основной принцип журналиста, уважающего себя и свою профессию: «Прежде чем писать, взгляни, как красив чистый лист бумаги».

По-моему, эта истина мало кем осознана во всей ее значительнос-

ти: нетронутый белый прямоугольник бумаги — шедевр не менее уникальный, чем знаменитый «Черный квадрат». Помнить об этом имеет смысл и сейчас, когда журналисты творят не на бумаге, а на экране компьютера.

Пока не ощущаешь власти над чистым листом бумаги — не все потеряно. Впереди — необозримое поле для самопознания и творческого роста. Продолжаешь ощущать «сопротивление материала» — растешь как личность, как подлинный, если угодно, профессионал. Когда же расхожие слова и соображения являются в готовом виде и даже как бы в «фабричной» упаковке — это уже не просто сигнал опасности, но свидетельство основательно запущенной болезни, быть может, вовремя незамеченного кризиса, возможно, вступившего в фазу профессионального вырождения.

Работайте над собой, создавая индивидуальность, выковывая свои убеждения. Труд — это и раскопки своих способностей. Глядишь, и обнаружится в собственных недрах нечто такое, что, пусть отдаленно, напомнит алмаз, требующий еще более напряженной работы над ним — огранки. Не работая над собой, ничего не найти ни в жизни, ни в себе.

2 Понять свою профессию. Журналист, как констатировал в своем «Лексиконе прописных истин» Густав Флобер, всегда идеолог.

Думаю, в этом и заключается основная сложность его воспроизводимого из века в век положения.

Подлинная журналистика не прячется по углам, не говорит шепотом, вполголоса. Безголосая, онемевшая, охрипшая или осипшая все равно по каким причинам, она изменяет своему предназначению, лишается смысла своего существования. Но необходимо иметь в виду, что любое высказанное в полный голос суждение — это уже пропаганда.

Понятно, что многим, а чаще всего «контролирующим органам», которые были, есть и будут, небезразлично, какое утверждение или отрицание поступает в общественный оборот. Так что, свобода слова всегда и везде под контролем. А нередко и под угрозой. Причем исходит она не только сверху, от направляющих руку журналистов вышестоящих сил (они напоминают иногда не вполне отдающих отчет в своих действиях родителей, которые по-прежнему водят рукой ребенка, обучая его выписывать буквы алфавита, не учитывая, что ребенок давно вырос и научился писать не хуже их самих), но и снизу — от самих редакторов и журналистов, не умеющих, а то и не желающих разглядеть правду, или урезающих свободу слова своей запуганностью и порожденной ею робостью, тяготеющей подчас к откровенной трусости.

Журналист — профессия подчиненная. Игнорировать мнение своего, редакционного, и общего начальства — этого никогда не позволяла, да и сегодня не позволяет и самая полновесная свобода слова, даже если таковая в принципе достижима. Возможно ли сегодня выражать честно свое мнение, если оно не вполне согласуется с мнением редактора, или собственника, или, наконец, более высокого руководства, с которым вынуждены (или склонны) сверять «линию» издания его хозяева, желающие сохранить свое детище на плаву, но «не поступившись принципами»?

Определенная политическая линия, которой придерживается то или иное издание, — это уже в известном смысле ограничение свободы слова. Так что всегда важно иметь в виду, в каком именно «слове» ограничивают журналиста в конкретной газете или конкретной телевизионной программе. Проблема для него заключается в том, чтобы, действуя в известных или неизвестных рамках, но неизменно в ладу с существующими законами, не превращаться в холуя и соглашателя.

Да, для человека нашего дела необычайно важно выполнять редакционные задания. Писать так, чтобы печатали. Печататься важно хотя бы для того, чтобы отрабатывать свою зарплату. Но это — не предел мечтаний. Замечательно, если твои материалы вдобавок составляют честь и гордость издания. И читателям хорошо, и редактор доволен. А ты сам доволен? Печататься всегда надо не только для начальства и даже не только для читателей, но и для самого себя.

В принципе для журналиста нет идолов — они есть для политика и для обывателя. Для журналиста нет святых — ни местных, ни федеральных, ни всемирно-исторических. Есть авторитеты, но никто и из их числа не свят для него. Ибо святые есть для верующих, людей богобоязненных. Для журналиста нет тех, кого он, так сказать, изначально, даже не располагая убедительными фактами, считает всегда правыми. Нет для него персон вне критики, даже если это — небожители. Признать, что кто-то обладает незыблемым правом на истину — это было бы для журналиста крайним проявлением неуважения к своему делу. Но не стоит, конечно, преувеличивать и значимость своей личности, да и своей профессии, допуская, что таким правом она автоматически наделяет тебя. Для журналиста нет идолов, но и он сам — не идол.

Это важно иметь в виду, чтобы не позволить себе роль пешки в чужой игре, но и не строить из себя ферзя, фигуру, которой нет равных. Важно не становиться «шестеркой», кто бы ни пытался тобой понукать и какие бы льготы безропотное послушание ни влекло за собой. Но и не мнить из себя туза, персону, наделенную исключительными правами и возможностями. Необходимее всего оставаться, реалистично оценивая себя и свое положение в обществе, самостоятельной фигурой, дорожащей своей независимостью. Профессия обязывает.

Она же требует не терять головы, проявляя при этом не трусливую осторожность, но разумную осмотрительность, всегда отдавать отчет в последствиях своих действий. Допускать, что вы можете оказаться неправыми, даже если никому не пытаетесь угодить. Сложность профессии в том, что и в таком случае, при абсолютном бескорыстии автора, истина ему не гарантирована. В чем-то, возможно, правы и те, чьими непримиримыми оппонентами журналист себя видит. Быть уверенным в себе — достоинство, но излишняя самоуверенность нейтрализует все его положительные свойства.

Это правильно — всегда надо писать и говорить исключительно то, что думаешь, что находишь правильным. Но никогда не надо обманываться, с одной стороны, но и не обманывать самому — с другой. Ибо искренность и истинность — не всегда одно и то же. Известная фраза «Делай, что должно, и будь, что будет» иногда истолковывается, по-моему, ошибочно: мол, о последствиях сказанного и сделанного тобой тебе думать совсем не обязательно. Не согласен — для журналиста это обязательно. По-моему, думать об этом надо всегда, не давая обмануть себя излишней эмоциональности, политическому ослеплению или служебному принуждению.

Гражданское мужество — часть профессии, гражданское, но не военное. Но даже в наши дни одно тесно переплетается с другим. И нельзя не преклоняться перед отвагой и смелостью военных корреспондентов. Но в мирной обстановке честно служить своему делу, не разово, не от случая к случаю, а постоянно, повседневно — не героизм, а исполнение производственных обязанностей, что требует, само собой, определенных моральных качеств: мужества, принципиальности, стойкости. Но и ума, и рассудительности, и мудрости. В сущности, при нормальной устроенной жизни профессия — не из числа героических.

И если, даже судя по событиям самого последнего времени, наши коллеги время от времени вынуждены рисковать собой, совершать подвиги, вскрывая, например, хитроумные коррупционные схемы, то есть работая фактически на поле правоохранительных органов, то за это надлежит на только награждать их, но и наказывать тех, по чьей вине возникают подобные ситуации.

Журналисты — не шахиды, готовые и призванные умирать за веру. Участившие в наше время случаи самопожертвования связаны, как правило, с религиозным фанатизмом, журналистам, как людям просвещенным, несвойственном.

За каждым случаем гибели журналиста — чей-то вопиющий просчет, чья-то непростительная служебная ошибка или чье-то должностное преступление. И, конечно, очередное свидетельство недостаточной защищенности тех, для кого забота об общем благе обошлась так дорого.

3 Понять своих предшественников. Вспоминая практику моих выдающихся коллег, журна-

листов-практиков, прежде всего тех, с кем многие годы работал в одной газете, хочу побудить вас, да и себя самого, подумать и попытаться понять, насколько их пример может быть пригоден или хотя бы поучителен в тех обстоятельствах, в которых теперь находятся СМИ в целом и каждый ответственный журналист в отдельности.

Не надо думать, что журналисты шестидесятых, семидесятых, а потом и девяностых и нулевых годов не выражали свое несогласие с властью. Не вступали в споры с ее представителями, с решениями высших органов, тем более с другими нижестоящими «эшелонами» — республиканскими и областными. Вступали. И нередко. А уж тем из них, кому удавалось заслужить высокий авторитет в глазах огромной читательской аудитории, никогда бы не добиться этого, если бы они только и делали, что пели власти дифирамбы, возвеличивали ее мудрость, умилялись ее прозорливости.

Никто, конечно, не думает, что в те времена журналисты с шашками наголо бросались на Кремль, штурмуя своим приравненным к штыку словом цитадель «застоя». Что-то похожее если и писалось, то всегда оседало в редакционных корзинах. Так что напрасно один из «маяков» печати тех лет, более других желая предстать перед новыми современниками гонимым и преследуемым в прошлом, доказывает, что легкой жизни у него не было, да и не могло быть. Поскольку он в те годы якобы не тех хвалил и не тех ругал.

Тут одно из двух: или память играет с ним злую шутку, или же он намеренно пытается ввести непосвященных читателей в заблуждение. Ибо он-то как раз, о чем помнят те, кого меньше подводит память, и хвалил, и ругал именно тех, кого следовало. «Отсебятины» не порол. Именно поэтому и пребывал в числе лелеемых прежней властью ее неоспоримых фаворитов.

Не он один — все лучшие журналисты Советского Союза, включая и самых именитых, те, кого сегодня называют легендами журналистики и «золотыми перьями», работали в официальной печати. Ибо другой не было. Их лучшие годы жизни и работы пришлись на период, когда о свободе слова не приходилось и мечтать. И они, можете не сомневаться, умели неплохо работать в сложившихся условиях, в частности, ладить с властью — другого и здесь не было дано. И более того, не кто-то один, а многие из тех, кто сегодня не прочь представить себя непримиримыми оппонентами прежнего режима, были тем режимом порождены и также становились его баловнями.

Большинство на редкость благополучно преодолели времена «драконовской» коммунистической цензуры. Они не подвергались, за редчайшим исключением, если таковые и были, жестким судебным преследованиям, отлучению от профессии, изоляции от общества, высылке из страны. А многие и тогда, например, мэтры международной журналистики Мэлор Стуруа, Всеволод Овчинников и Генрих Боровик, были не менее уважаемы и награждаемы, чем и впоследствии, в принципиально изменившихся демократических условиях. Политические кумиры сменились. Но в журналистике этого не произошло — кумиры прошедшей эпохи получили безоговорочное признание и в глазах новых поколений.

Примечателен и другой момент из недавней истории нашей журналистики. Самые яркие, наиболее видные тогда разоблачители «гнусных пороков общественной жизни и советского быта», такие как Анатолий Аграновский, Аркадий Сахнин, Аркадий Ваксберг, Юрий Черниченко, Анатолий Стреляный, Эдвин Поляновский и другие «знаковые фигуры» советского этапа отечественной журналистики, в то время были ведущими и наиболее авторитетными сотрудниками самых многотиражных газет, чьих работ ждали как читатели, так и руководители тех СМИ, где они состояли на службе.

Выходит, и в тех ненормальных условиях существования ненормальной журналистики самые принципиальные, самые революционные выступления печати оказывались возможны — благодаря достижению своего рода консенсуса между редакторами, цензорами и авторами. Главным же для авторов таких «материалов», мало-помалу менявших сознание чи-

В РАЗНЫЕ ЭПОХИ В ЖУРНАЛИСТИКУ ТЯНУТСЯ РАЗНЫЕ ЛЮДИ, ИНОГДА — ПОКРУПНЕЕ, ИНОГДА ПОМЕЛЬЧЕ

тателей, сознание народа, заключалось в том, чтобы не перейти незримую границу между принципиальностью и конформизмом.

Не стану рассматривать разные стороны довольно сложных отношений лучших представителей отечественной журналистики с коммунистическим государством. И однозначно утверждать, ибо это выглядело бы нелепо (хотя доля истины в том присутствовала), что наиболее глубокие критики режима из числа журналистов были однозначно в особом почете у того самого режима, падению которого способствовали в меру своих сил и способностей. Назову лишь одно свойство их журналистского дара, который я бы назвал еще и дипломатическим: они умели говорить правду, критиковать, я бы сказал, не навлекая на себя открытую ненависть власти. И вовсе не потому, что та власть отличалась особым великодушием и крайней терпимостью к инакомыслию.

Из опыта Анатолия Аграновского совсем забыто, что резкой критикой может быть и воспроизведение похвального опыта, по не вполне понятным обществу причинам зажимаемого или игнорируемого. По меньшей мере половина очерков корифея советской журналистики — о хороших людях, первоклассных специалистах своего дела. О хороших людях в не лучшие для них времена. Это и парикмахер, и авиаконструктор, и врач-офтальмолог, и ученый из новосибирского Академгородка.

Аграновский тщательно искал и находил своих героев, никогда не брался за проходные, конъюнктурные темы, был требователен к каждому своему слову. В каждом своем очерке, написанном неизменно на основе человеческой суьбы, он поднимал острейшие проблемы экономики и морали, создавая в «додемократическую эпоху» произведения такой глубины и силы, подобных которым трудно найти среди множества журналистских творений, возникших за десятилетия существования в стране «свободы слова». Чем объясняется недоступность взятых им вершин? Только ли исключительностью таланта?

Содержательность каждого издания, да и всей журналистики того или иного исторического периода определяется масштабом личностей журналистов, составляющих штат СМИ и их авторский актив. А в разные эпохи в журналистику тянутся разные люди, иногда — покрупнее, иногда помельче. Журналистской профессии, по-моему, только предстоит приобрести больший авторитет, чтобы в нее «хлынули» люди, подающие очень большие надежды.

Не хочется думать, но думать так есть основания: вроде бы с некоторых пор возобладало мнение, что в полный голос говорить (и писать) о людях труда, о наших достижениях, рассказывать о «положительном опыте» означает для журналиста одно — угодничать перед действующей властью, что, конечно, неприлично. Но, может, понятие «скрывать правду» распространяется и на подобные случаи замалчивания? Или, в самом деле, кто-то верит, что замечать и отмечать достижения, скажем, обновленные, преображенные сегодняшние «отдельные» города, — это обман зрения, одна видимость, потемкинские деревни городского типа?

Я бы уточнил, говоря об этих феноменах, что при разной степени свободы слова приедаться могут в одних случаях так называемые положительные материалы, если, конечно, они лишь лакируют действительность, в других — чересчур навязчивые, весьма смахивающие на джинсу, зубодробительные разоблачения и обличения, эти кулачные бои до последней крови, где оппонент для журналиста — смертельный враг, которого надо во что бы то ни стало «завалить». А ведь и в борьбе за правое дело, как и в вольной борьбе на ковре, не отменяются правила, которые нельзя нарушать. И в самых жарких спорах, в самых ожесточенных дискуссиях дело не в последнюю очередь именно в словах, в профессиональной культуре, которой сегодня так часто не хватает участникам разного рода телевизионных шоу и поединков.

Бовин в советские годы, когда «грязи» было не меньше, чем сейчас, как будто этого не замечал. Он никого не обличал и не развенчивал, разве что исламских фундаменталистов. Безапелляционный тон, даже в разговоре о «заклятых друзьях» Советского Союза, был ему несвойствен. Но тем не менее он, а не кто-то из его более голосистых коллег, стал эталоном журналиста не только своего времени. Он создал свой язык, короткий и емкий, и обозначил темы, анализируя которые выводил международную журналистику на новый уровень.

Лучшие наши коллеги в советское время, как и международник Бовин, специализировались на какой-то узкой тематике (или в своем «жанре») — писали на юридические темы, как Ольга Чайковская или Аркадий Ваксберг, становились «аграрниками», как Юрий Черниченко или Анатолий Иващенко, знатоками школьной и вузовской жизни, как Ирина Овчинникова и Элла Максимова, спортивными репортерами, как Борис Федосов и Аркадий Галинский, или совершенствовались в жанре фельетона, как известинцы Семен Руденко, Владимир Надеин и Эльрад Пархомовский.

Дело в том, что истинных мастеров на все руки — единицы. Да и то, разбрасываясь, мало кто из них достигал и достигает в какой-то тематике или в каком-то жанре высот, доступных для «узких специалистов». Я знаю множество примеров, когда даже выдающиеся журналисты терпели фиаско, далеко выходя за круг той тематики, в которой они числились несомненными знатоками и мэтрами. Например, когда журналисты-международники брались за внутренние проблемы. Или когда фельетонисты (исчезнувшая специализация?) пытались примерить на себя амплуа очеркистов (тоже специализация, изжившая себя?).

Чтобы не потерять себя, важно, не проявлять готовности писать о чем угодно, обо всем подряд и вразнобой — то о том, то о другом, из другой, как говорится, оперы. Вчера о преступниках с бензоколонки, сегодня о балетной премьере. Не стоит приучаться и приучать к тому, что вы в любой момент готовы выполнить любое задание, всегда оказаться под рукой и тут же сломя голову кинуться исполнять полученные указания. Не стоит слишком охотно и «с чувством глубокого удовлетворения» довольствоваться положением мальчика на побегушках, сотрудника на подхвате, которому в принципе все равно, за какую тему браться. Для углубленной работы важно иметь свою нишу. Уйти от чересчур широкой специализации к более узкой. Специализация важнее универсализации.

4 Понять, кому служишь. Не считайте, что, посвящая себя журналистике, вы идете во власть, пусть даже четвертую. Но не стоит также думать, что, вступая на эту профессиональную стезю, вы идете и против власти. Это был бы слишком явный пример проявления высокомерия и слишком простой способ установления собственной правоты во всех без исключения случаях. Любая задача, которая решается с заранее определенным ответом, решается неверным способом.

Кому служить — власти или оппозиции? Перед журналистом не должно стоять такого вопроса. Он не вправе думать, что раз ты служишь оппозиции — значит ты честнее тех, кто служит власти. Как не вправе он думать и иначе: раз ты служишь власти — значит ты честнее тех, кто служит оппозиции.

Журналистика — сама по себе оппозиция, причем самая бескорыстная. Оппозиция не только власти, но и оппозиции. И от реальной политической оппозиции она отличается более бескорыстным интересом к истине.

Служить труднее всего не лицам и не идеологическим пристрастиям, а истине, которая, вопреки расхожему мнению, далеко не всегда конкретна.

Только тогда, когда журналистика никому не прислуживает, когда она независима, ей верят. И эта народная вера наделяет ее силой и мощью. Но, возможно, такая журналистика — мечта, чаще, увы, недостижимая? Не служа кому-то, она, может, напоминает временного безработного, лишившегося опоры и гарантированного, пусть даже скромного дохода? На что ей тогда существовать? Если музыка

не заказана, оплата не поступала и не предвидится?

Журналисты не стоят у токарного станка, не варят сталь и не добывают руду. Они всего лишь что-то пишут, о чем-то говорят и что-то показывают. Их вклад в развитие страны невозможно измерить в тоннах и процентах. Но они создают ту общественную атмосферу, в которой у людей может появиться воодушевление, а могут опуститься руки. Эта атмосфера — воздух, которым дышат миллионы. Он может быть чистым и полезным для здоровья. А может быть удушливым, не дающим глубоко вздохнуть.

Журналистика, как и литература, как искусство, воспитывает свободного человека. Раб никогда не давал образцы вдохновенного труда. Из-под палки шедевры не создаются. Задыхаясь, не ставят рекордов производительности.

На тему «журналистика и власть» мы с вами много размышляем. Не упускаем случая поговорить и о власти журналистики, которую привычно называть четвертой, но все-таки властью. В принципе она, конечно, никакая не власть. Во всяком случае, не обладает узаконенными властными полномочиями. Но если учитывать реальное влияние каждой из конституционных властей и этой «неконституционной» власти на умы наших сограждан, то их привычная очередность в своего рода турнирной таблице вполне может и оказаться непривычной.

Журналистика — не власть, но, называя ее властью, унизительно отводить ей при этом всего-то четвертое место, то есть награждать деревянной медалью. По степени ее влиятельности журналистика, пожалуй, вправе рассчитывать на куда более высокое место. Войти, как минимум, в призовую тройку.

Так чем же определяется властная сила даже не профессии, а этого общественного явления под названием «журналистика»? Ясно, что не административным ресурсом и не финансовыми возможностями.

Власть журналистики — не власть должностного положения и не власть денег, а власть совести. Журналистика, если хотите, могучий агент влияния, влияния силы слова на общественную жизнь, на ход мыслей, предшествующий ходу действий или регулирующий его.

Журналистика, если и впрямь считать ее разновидностью власти, «правит» нетрадиционными для всех прочих властей методами: она облучает умы и сердца. Прививает своим читателям, слушателям и зрителям определенную систему моральных предпочтений и нравственных ценностей. Она никем не понукает и никому ничего не приказывает. Но это действительно власть, причем, быть может, наиболее уникальная из всех существующих. Если учесть — чем она дается и чему служит. Журналистика — единственная власть, которая, так сказать, не претендует на власть. Но она останется властью при любой политической конъюнктуре, при любой власти. Ее невозможно свергнуть, упразднить. В этом ее уникальность.

Ее влиятельность определяется самим характером этой деятельности, публичностью печатного слова. И, конечно, его действенностью. Журналисты слов на ветер не бросают. Их слово поистине не воробей — вылетит не поймаешь. И за полетом далеко не всегда уследишь — куда его занесет, в чьей голове оно осядет. А разносят эти слова по всем городам и весям печатные издания, телевизионный эфир и радиоволны.

Иногда мы досадуем по тому поводу, что действенность СМИ катастрофически падает, слово журналиста уже ничего не значит и вроде бы день ото дня стремится к нулю — не оказывает на власть никакого влияния. «Общественное мнение», таким образом, открыто игнорируется.

Согласен с одним: журналистика, если к ней не прислушиваются, обречена, по сути, заниматься пустословием, толочь воду в ступе. Такое положение не может устроить журналистское сообщество. Оно добивалось и будет добиваться в дальнейшем, чтобы с нами больше считались.

Но не вполне согласен с тем, что сегодня не ощутима действенность журналистики.

Случайно ли, что все ветви власти, все лица и организации, например, партии, которые пытаются удержать или повысить свой рейтинг, добиться большего веса в обществе, многообразно и небескорыстно ищут тесного союза со СМИ, пытаются силой, хитростью

или лестью добиваться их благосклонности? Нет, не случайно. Они видят в них своих влиятельных союзников или серьезных противников на пути к вожделенной цели. Другими путями, как только при их содействии, к желанной популярности не пробиться.

Журналистов, с одной стороны, энергично поощряют, всячески ублажают, приближают к власти — выдвигают на престижные должности, отмечают государственными премиями, награждают орденами и медалями. Их подкупают в прямом и переносном смысле, прикарманивают — пытаются сделать карманными. Это происходило вчера, происходит и сегодня, когда, как принято считать, на разного рода публикации и телесюжеты мало кто обращает внимание. И в этом вроде бы действительно проявляется падение былой влиятельности прессы, радио и телевидения. Но, может, вопрос о действенности журналистики, а только в этом и проявляется ее властная значимость, в последнее время очевиднее предстает в ином ракурсе.

Заигрывание со СМИ — весьма существенное доказательство действенности прессы, не говоря уж о тех случаях, когда журналистов запугивают, преследуют, когда с ними обходятся крайне немилосердно, подчас с ожесточением и ненавистью. Как это ни печально, но охота на журналистов, расправа над нашими коллегами, их гибель при исполнении служебного долга — подобные крайности, ставшие, увы, драматической обыденностью современного бытия, и есть, если вдуматься, знаки повышенного внимания к журналистике, признания ее общественной роли, самые убедительные свидетельства серьезного веса журналистского слова.

Расширяя свое влияние в обществе, журналистика и журналисты нуждаются в уважении без подкупа и без насилия. Нуждаются в законодательной охране своего рискованного вида общественной деятельности и, конечно, самой жизни журналистов.

ПОНЯТЬ СВОЕ ВРЕМЯ

Это непросто — простых времен не бывает. И одинаковых тоже. У каждого времени свой нрав и норов, свой характер и своя бесхарактерность, свои принципы и своя беспринципность. Свое представление о том, что хорошо, а что плохо. К сожалению, у каждого — свое. Даже если речь как будто о вечных проблемах и вечных истинах.

Понять свое время надо не для того, чтобы подделываться под его вкусы. А чтобы не быть отвергнутым им под тем, скажем, предлогом, что вы говорите на непонятном ему языке, что ваш стиль и ваша тематика — «не формат», что ваши мысли и убеждения — отстой: устарели, утратили злободневность и оригинальность. Не поймете свое время — оно не поймет вас. А это никогда не бывает безболезненным.

Журналистики и журналистов на все времена не бывает. Есть журналисты текущего момента, «герои» определенной ситуации или отдельного исторического эпизода. Есть более долговременные — «властелины» года, эпохи конкретного лидера, определенного политического отрезка.

Даже выдающиеся отечественные журналисты — не на все времена. Станислав Кондрашов не подошел времени распада СССР. Он не устроил «Известия» не при редакторе-ретрограде Петре Алексееве, присланном из ЦК КПСС, а при Игоре Голембиовском, демократическом фаворите журналистского коллектива, возглавившем газету «на стыке веков», в пору революционных преобразований в стране и в редакции. Как не устроили ее в те самые годы такие значительные фигуры нашей журналистики, как Леонид Шинкарев, Элла Максимова, Ирина Овчинникова и другие, вынужденные по разным причинам покинуть газету, не без оснований считавшуюся флагманом прогрессивной советской, а потом и российской печати, в пору начального расцвета «свободы слова».

Тот же Станислав Кондрашов не отвечал и представлению и Егора Яковлева, редактора-новатора, остро чувствовавшего особенности каждого исторического момента, о современном журналисте периода расцвета газеты «МН». Не та стилистика, не те основополагающие принципы, не то толкование происходящих перемен. Но иногда, как выясняется с годами, это отнюдь не недостаток, а скорее достоинство — не отвечать актуальным требованиям, оставаться, например, консерватором, когда

слишком многие поспешно обретают облик революционеров-демократов.

Принципиально новый момент нашего бытия, требующий внести серьезные коррективы в традиционные как будто отношения власти и журналистики. Момент, который молодые журналисты, как и их опытные коллеги, должны учитывать в вашей работе.

«Неформальная журналистика», из Интернета, из социальных сетей, становится серьезным конкурентом печатных и электронных СМИ. По крайней мере в одном, но крайне существенном моменте. Если власть не говорит людям правду устами, в частности, профессиональной журналистики, представленной на страницах государственных СМИ, в эфире центральных телеканалов, если на замалчивает правду о реальной жизни, то эту правду все равно уже не утаить. Она обязательно всплывет.

Это прежде можно было спрятать от народа, утаить от читателя и слушателя правду — железным занавесом, идеологической муштрой журналистского корпуса, абсолютной управляемостью средств массовой информации, их формой и содержанием. В условиях существования разнонаправленных политических сил, раскрепощенного самосознания, неподцензурного Интернета привычная проблема взаимоотношений власти со средствами массовой информации во многом упрощается. Скрыть правду уже намного труднее, чем прежде, да и практически невозможно. Врать всегда было аморально, но только сейчас стало еще и бессмысленно.

Искусство не сказать правду, впрямую не соврав, — долгое время было самым сильным свойством партийно-советской журналистики. Она порядком поднаторела за многие десятилетия подобной практики и в непростом искусстве убеждать читателя в том, в чем сама отнюдь не была убеждена. В основе «честной лжи» часто лежала способность самих журналистов к приспособленчеству, да и самообману. Но теперь прежние установки, полученные от кого-то или же данные себе самому, даже если журналист по-прежнему уповает на них, не срабатывают. А уважающая себя, даже из последних сил, журналистика не вправе опускаться на уровень скорее вульгарной, чем бульварной прессы, которой совершенно безразлична ее репутация.

Таким образом. власть сегодня, если всесторонне учитывать объективные обстоятельства, как никогда, должна быть заинтересована в бескорыстной и правдивой прессе. Пусть даже и вынужденно. Так сказать, в силу вновь открывшихся обстоятельств.

5 Понять, что принимать на веру чьи бы то ни было советы, никому не на пользу.

Не сотворите себе кумира — велик риск обознаться. Или ошибиться адресом или личностью. Поверьте, преувеличивать достоинства других не менее пагубно, чем преувеличивать собственные достоинства. И то и другое обессиливает.

По-моему, главное в профессии журналиста, в этой самой, наверное, неспециализированной профессии, носящей как будто весьма общий характер, не похожей в этом смысле ни на одну другую, — умение постоянно, без выходных, работать по совести. Это важно, разумеется, для человека любого дела. Но для журналиста отсутствие требовательной чуткой совести — свидетельство профессиональной несостоятельности и даже ущербности, несомненное доказательство того, что человек взялся не за свое дело. Бессовестный журналист — нонсенс, но и, увы, обыденность, как певец, поющий под «фанеру». Он открывает рот, а голос звучит чей-то.

Понятно, советовать другим легче, чем на своем месте поступать в полном соответствии с тем, что ты советуешь кому-то. Но что облегчает положение советчика и в некотором смысле даже оправдывает его решимость делиться своими соображениями, так это его твердая уверенность в том, что выслушавшие его советы вряд ли станут действовать в соответствии с полученными «рекомендациями». Все ведь знают и помнят — нет универсальных путей к успеху ни в одном деле. Каждый на своем месте — первооткрыватель.

И все же чужой опыт — вещь небесполезная. По-моему, так.

&